

М.Ю. Лермонтов

M.Y. Lermontov

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

A HERO OF OUR TIME

Двухязычное издание

Bilingual edition

Герой нашего времени

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЭЛА

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неугомимо погонял лошадей, чтобы успеть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно-вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской Горы, мы остановились возле духана¹. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст² длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

A Hero of Our Time

PART I

BELA

I was travelling post from Tiflis.

All the luggage I had in my cart consisted of one small portmanteau half filled with travelling-notes on Georgia; of these the greater part has been lost, fortunately for you; but the portmanteau itself and the rest of its contents have remained intact, fortunately for me.

As I entered the Koishaur Valley the sun was disappearing behind the snow-clad ridge of the mountains. In order to accomplish the ascent of Mount Koishaur by nightfall, my driver, an Ossete, urged on the horses indefatigably, singing zealously the while at the top of his voice.

What a glorious place that valley is! On every hand are inaccessible mountains, steep, yellow slopes scored by water-channels, and reddish rocks draped with green ivy and crowned with clusters of plane-trees. Yonder, at an immense height, is the golden fringe of the snow. Down below rolls the River Aragva, which, after bursting noisily forth from the dark and misty depths of the gorge, with an unnamed stream clasped in its embrace, stretches out like a thread of silver, its waters glistening like a snake with flashing scales.

Arrived at the foot of Mount Koishaur, we stopped at a dukhan. About a score of Georgians and mountaineers were gathered there in a noisy crowd, and, close by, a caravan of camels had halted for the night. I was obliged to hire oxen to drag my cart up that accursed mountain, as it was now autumn and the roads were slippery with ice. Besides, the mountain is about two versts in length.

There was no help for it, so I hired six oxen and a few Ossetes. One of the latter shouldered my portmanteau, and the rest, shouting almost with one

За мою тележку четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сертук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он, молча, опять поклонился.

— Вы верно едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня:

— Вы верно недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат! Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче³, отвечал он приосанившись. — Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считают в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

voice, proceeded to help the oxen.

Following mine there came another cart, which I was surprised to see four oxen pulling with the greatest ease, notwithstanding that it was loaded to the top. Behind it walked the owner, smoking a little, silver-mounted Kabardian pipe. He was wearing a shaggy Circassian cap and an officer's overcoat without epaulettes, and he seemed to be about fifty years of age. The swarthiness of his complexion showed that his face had long been acquainted with Transcaucasian suns, and the premature greyness of his moustache was out of keeping with his firm gait and robust appearance. I went up to him and saluted. He silently returned my greeting and emitted an immense cloud of smoke.

«We are fellow-travellers, it appears.»

Again he bowed silently.

«I suppose you are going to Stavropol?»

«Yes, sir, exactly—with Government things.»

«Can you tell me how it is that that heavily-laden cart of yours is being drawn without any difficulty by four oxen, whilst six cattle are scarcely able to move mine, empty though it is, and with all those Ossetes helping?»

He smiled slyly and threw me a meaning glance.

«You have not been in the Caucasus long, I should say?»

«About a year,» I answered.

He smiled a second time.

«Well?»

«Just so, sir,» he answered. «They're terrible beasts, these Asiatics! You think that all that shouting means that they are helping the oxen? Why, the devil alone can make out what it is they do shout. The oxen understand, though; and if you were to yoke as many as twenty they still wouldn't budge so long as the Ossetes shouted in that way of theirs.... Awful scoundrels! But what can you make of them? They love extorting money from people who happen to be travelling through here. The rogues have been spoiled! You wait and see: they will get a tip out of you as well as their hire. I know them of old, they can't get round me!»

«You have been serving here a long time?»

«Yes, I was here under Aleksei Petrovich,» he answered, assuming an air of dignity. «I was a sub-lieutenant when he came to the Line; and I was promoted twice, during his command, on account of actions against the moun-

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но, благодаря отливу снегов, мы легко могли различать дорогу, которая всё еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми, и в последний раз оглянулся вниз на долину, — но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакой народ! — сказал он: — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «офицер, дай на водку!». Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье, за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки⁴ и неровное побрякиванье русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

taineers.»

«And now—?»

«Now I'm in the third battalion of the Line. And you yourself?»

I told him.

With this the conversation ended, and we continued to walk in silence, side by side. On the summit of the mountain we found snow. The sun set, and—as usually is the case in the south—night followed upon the day without any interval of twilight. Thanks, however, to the sheen of the snow, we were able easily to distinguish the road, which still went up the mountain-side, though not so steeply as before. I ordered the Ossetes to put my portmanteau into the cart, and to replace the oxen by horses. Then for the last time I gazed down upon the valley; but the thick mist which had gushed in billows from the gorges veiled it completely, and not a single sound now floated up to our ears from below. The Ossetes surrounded me clamorously and demanded tips; but the staff-captain shouted so menacingly at them that they dispersed in a moment.

«What a people they are!» he said. «They don't even know the Russian for 'bread,' but they have mastered the phrase 'Officer, give us a tip!' In my opinion, the very Tartars are better, they are no drunkards, anyhow.»...

We were now within a verst or so of the Station. Around us all was still, so still, indeed, that it was possible to follow the flight of a gnat by the buzzing of its wings. On our left loomed the gorge, deep and black. Behind it and in front of us rose the dark-blue summits of the mountains, all trenched with furrows and covered with layers of snow, and standing out against the pale horizon, which still retained the last reflections of the evening glow. The stars twinkled out in the dark sky, and in some strange way it seemed to me that they were much higher than in our own north country. On both sides of the road bare, black rocks jutted out; here and there shrubs peeped forth from under the snow; but not a single withered leaf stirred, and amid that dead sleep of nature it was cheering to hear the snorting of the three tired post-horses and the irregular tinkling of the Russian bell.

«We will have glorious weather to-morrow,» I said.

The staff-captain answered not a word, but pointed with his finger to a lofty mountain which rose directly opposite us.

«What is it?» I asked.

«Mount Gut.»

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою: — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик: — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то ослеплении.

— Преглупый народ! — отвечал он. — Поверите ли, ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кин-жала ни на одном не увидишь. Уж подлинно Осетины!

— А вы долго были в Чечне?

are absolutely ignorant and incapable of the slightest civilisation! Why even our Kabardians or Chechenes, robbers and ragamuffins though they be, are regular dare-devils for all that. Whereas these others have no liking for arms, and you'll never see a decent dagger on one of them! Ossetes all over!»

«You have been a long time in the Chechenes' country?»

«Yes, I was quartered there for about ten years along with my company in a fortress, near Kamennyi Brod. Do you know the place?»

«I have heard the name.»

«I can tell you, my boy, we had quite enough of those dare-devil Chechenes. At the present time, thank goodness, things are quieter; but in the old days you had only to put a hundred paces between you and the rampart and wherever you went you would be sure to find a shaggy devil lurking in wait for you. You had just to let your thoughts wander and at any moment a lasso would be round your neck or a bullet in the back of your head! Brave fellows, though!»...

«You used to have many an adventure, I dare say?» I said, spurred by curiosity.

«Of course! Many a one.»...

Hereupon he began to tug at his left moustache, let his head sink on to his breast, and became lost in thought. I had a very great mind to extract some little anecdote out of him—a desire natural to all who travel and make notes.

Meanwhile, tea was ready. I took two travelling-tumblers out of my portmanteau, and, filling one of them, set it before the staff-captain. He sipped his tea and said, as if speaking to himself, «Yes, many a one!» This exclamation gave me great hopes. Your old Caucasian officer loves, I know, to talk and yarn a bit; he so rarely succeeds in getting a chance to do so. It may be his fate to be quartered five years or so with his company in some out-of-the-way place, and during the whole of that time he will not hear «good morning» from a soul (because the sergeant says «good health»). And, indeed, he would have good cause to wax loquacious—with a wild and interesting people all around him, danger to be faced every day, and many a marvellous incident happening. It is in circumstances like this that we involuntarily complain that so few of our countrymen take notes.

«Would you care to put some rum in your tea?» I said to my companion. «I have some white rum with me—from Tiflis; and the weather is cold now.»

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слыхал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смирнее, а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами было приключений? — сказал я, подстрекаемый любопытством.

— Как не бывать! бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку — желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспел, я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «да, бывало!». Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет здравствуйте (потому что фельдфебель говорит здравия желаю). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный, каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотите ли подбавить рому? — сказал я моему собеседнику: — у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фрунт навеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно, другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропадший человек.

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкесы, — продолжал он: — как напьются бузы⁵ на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирнова князя был в гостях.

«Well, what then?»

«Don't you see how it is smoking?»

True enough, smoke was rising from Mount Gut. Over its sides gentle cloud-currents were creeping, and on the summit rested one cloud of such dense blackness that it appeared like a blot upon the dark sky.

By this time we were able to make out the Post Station and the roofs of the huts surrounding it; the welcoming lights were twinkling before us, when suddenly a damp and chilly wind arose, the gorge rumbled, and a drizzling rain fell. I had scarcely time to throw my felt cloak round me when down came the snow. I looked at the staff-captain with profound respect.

«We shall have to pass the night here,» he said, vexation in his tone. «There's no crossing the mountains in such a blizzard.—I say, have there been any avalanches on Mount Krestov?» he inquired of the driver.

«No, sir,» the Ossete answered; «but there are a great many threatening to fall—a great many.»

Owing to the lack of a travellers' room in the Station, we were assigned a night's lodging in a smoky hut. I invited my fellow-traveller to drink a tumbler of tea with me, as I had brought my cast-iron teapot—my only solace during my travels in the Caucasus.

One side of the hut was stuck against the cliff, and three wet and slippery steps led up to the door. I groped my way in and stumbled up against a cow (with these people the cow-house supplies the place of a servant's room). I did not know which way to turn—sheep were bleating on the one hand and a dog growling on the other. Fortunately, however, I perceived on one side a faint glimmer of light, and by its aid I was able to find another opening by way of a door. And here a by no means uninteresting picture was revealed. The wide hut, the roof of which rested on two smoke-grimed pillars, was full of people. In the centre of the floor a small fire was crackling, and the smoke, driven back by the wind from an opening in the roof, was spreading around in so thick a shroud that for a long time I was unable to see about me. Seated by the fire were two old women, a number of children and a lank Georgian—all of them in tatters. There was no help for it! We took refuge by the fire and lighted our pipes; and soon the teapot was singing invitingly.

«Wretched people, these!» I said to the staff-captain, indicating our dirty hosts, who were silently gazing at us in a kind of torpor.

«And an utterly stupid people too!» he replied. «Would you believe it, they

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), — вот извольте видеть, я тогда стоял в крепости за Тереком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы верно, — спросил, я его, — переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно, ну, да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и пожалуйста — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьем Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте; все иззябнут, устанут, — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был странностями, и должно быть богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; наделал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи.

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирной князь. Сынишко его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездить. Всякий день, бывало, то за тем, то за другим; и уж точно, из-

«No, thank you, sir; I don't drink.»

«Really?»

«Just so. I have sworn off drinking. Once, you know, when I was a sub-lieutenant, some of us had a drop too much. That very night there was an alarm, and out we went to the front, half seas over! We did catch it, I can tell you, when Aleksei Petrovich came to hear about us! Heaven save us, what a rage he was in! He was within an ace of having us court-martialled. That's just how things happen! You might easily spend a whole year without seeing a soul; but just go and have a drop and you're a lost man!»

On hearing this I almost lost hope.

«Take the Circassians, now,» he continued; «once let them drink their fill of buza at a wedding or a funeral, and out will come their knives. On one occasion I had some difficulty in getting away with a whole skin, and yet it was at the house of a 'friendly' prince, where I was a guest, that the affair happened.»

«How was that?» I asked.

«Here, I'll tell you.»...

He filled his pipe, drew in the smoke, and began his story.

«YOU see, sir,» said the staff-captain, «I was quartered, at the time, with a company in a fortress beyond the Terek—getting on for five years ago now. One autumn day, a transport arrived with provisions, in charge of an officer, a young man of about twenty-five. He reported himself to me in full uniform, and announced that he had been ordered to remain in the fortress with me. He was so very elegant, his complexion so nice and white, his uniform so brand new, that I immediately guessed that he had not been long with our army in the Caucasus.

«I suppose you have been transferred from Russia?' I asked.

«'Exactly, captain,' he answered.

«I took him by the hand and said:

«'I'm delighted to see you—delighted! It will be a bit dull for you... but there, we will live together like a couple of friends. But, please, call me simply «Maksim Maksimych»; and, tell me, what is this full uniform for? Just wear your forage-cap whenever you come to me!»

«Quarters were assigned to him and he settled down in the fortress.»

«What was his name?» I asked Maksim Maksimych.

«His name was Grigori Aleksandrovich Pechorin. He was a splendid fellow,

баловали мы его с Григорьем Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А, бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас за кинжал. «Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему: — яман будет твоя башка!»⁶.

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки⁷: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках», — сказал мне Григорий Александрович. «Погодите!» — отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую. Я однако ж не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, — знаете, для непредвиденного случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана, потом дарят молодых и всех их родственников; едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной, хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл, как по-ихнему... ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

I can assure you, but a little peculiar. Why, to give you an instance, one time he would stay out hunting the whole day, in the rain and cold; the others would all be frozen through and tired out, but he wouldn't mind either cold or fatigue. Then, another time, he would be sitting in his own room, and, if there was a breath of wind, he would declare that he had caught cold; if the shutters rattled against the window he would start and turn pale: yet I myself have seen him attack a boar single-handed. Often enough you couldn't drag a word out of him for hours together; but then, on the other hand, sometimes, when he started telling stories, you would split your sides with laughing. Yes, sir, a very eccentric man; and he must have been wealthy too. What a lot of expensive trinkets he had!»...

«Did he stay there long with you?» I went on to ask.

«Yes, about a year. And, for that very reason, it was a memorable year to me. He gave me a great deal of trouble—but there, let bygones be bygones!... You see, it is true enough, there are people like that, fated from birth to have all sorts of strange things happening to them!»

«Strange?» I exclaimed, with an air of curiosity, as I poured out some tea.

«WELL, then, I'll tell you,» said Maksim Maksimych. «About six versts from the fortress there lived a certain 'friendly' prince. His son, a brat of about fifteen, was accustomed to ride over to visit us. Not a day passed but he would come, now for one thing, now for another. And, indeed, Grigori Aleksandrovich and I spoiled him. What a dare-devil the boy was! Up to anything, picking up a cap at full gallop, or bringing things down with his gun! He had one bad quality; he was terribly greedy for money. Once, for the fun of the thing, Grigori Aleksandrovich promised to give him a ducat if he would steal the best he-goat from his father's herd for him; and, what do you think? The very next night he came lugging it in by the horns! At times we used to take it into our heads to tease him, and then his eyes would become bloodshot and his hand would fly to his dagger immediately.

«'You'll be losing your life if you are not careful, Azamat,' I would say to him. 'That hot head of yours will get you into trouble.'

«On one occasion, the old prince himself came to invite us to the wedding of his eldest daughter; and, as we were guest-friends with him, it was impossible to decline, Tartar though he was. We set off. In the village we were met by a number of dogs, all barking loudly. The women, when they saw us

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя	4
Ф.В. Булгарин о «Герое нашего времени»	6

Предисловие	8
--------------------------	----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бэла	10
Максим Максимыч	80

Журнал Печорина

Предисловие	100
Тамань	102

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (Окончание журнала Печорина)

Княжна Мери.....	126
Фаталист	266

Словарь	298
Список цветных иллюстраций.....	300

CONTENTS

Foreword from the Publisher.....	5
F.V. Bulgarin about 'A Hero of Our Time'	7

Preface to the second edition	9
--	----------

PART I

Bela.....	11
Maksim Maksimych	81

Pechirin's diary

Concerning	101
Taman	103

PART II (Extract from Pechorin's diary)

Princess Mary	127
The fatalist.....	267

Vocabulary	298
List of colour plates	300

УДК ?
ББК ?
?

Михаил Юрьевич Лермонтов

Герой нашего времени

Составитель и редактор И.А. Маневич
Компьютерная верстка и цветокоррекция: А.А. Косолапов
Корректор А.В. Новгородова

ООО «Белый город»
111395, Москва, ул. Красный Казанец, д. 6, стр. 2
Тел. (495) 304-5464
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг по издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 47, корп. 11
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912

111395, Москва, ул. Красный Казанец, д. 6, стр. 2, оф. 17
Тел.: (495) 740-4825, 304-4338, 304-5464

192029, Санкт-Петербург, проспект Обуховской Обороны, д. 86
Тел. (812) 607-5443

400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

Вы можете заказать бесплатный каталог
по тел.: (495) 304-4338, 740-4825, 780-3911

Полный ассортимент книг представлен на сайтах:
www.pravkniga.ru, www.dar-kniga.ru, www.belygorod.ru

Отпечатано в
Подписано в печать
Тираж ? экз.

Михаил Юрьевич Лермонтов

? Герой нашего времени. — М. : Белый город. — 304 с. : ил.

Издание посвящено 200-летию юбилею М.Ю. Лермонтова и подготовлено в форме билингвы — с параллельным текстом на английском языке, что кардинальным образом облегчает понимание любых сложных мест и обеспечивает правильное расширение словарного запаса. Такая структура книги успешно послужит и русским читателям, изучающим английский язык.

ISBN ?

6+

© «Белый город»

